

Ремизовский миф в структуре ярославского текста

Для цитирования: Иванов Н. Н. Ремизовский миф в структуре ярославского текста // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 17–23. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-17-23

Целью работы является рассмотрение актуальной научной историко-литературной проблематики: Место А. М. Ремизова, выдающегося представителя русского неореализма, в структуре так называемого ярославского текста. Пожалуй, впервые авторский миф Ремизова вписан в структуру локального текста, к типу которого принадлежит и ярославский. Означенное литературное явление представлено в русле изучения авторской индивидуальности в комплексе общих для русской прозы тенденций: обогащение содержания, поиск новых повествовательных, художественных форм. В контексте современных исследований русской литературы первой половины XX века решались и поставленные в работе задачи: уточнить сами дефиниции *ярославский текст*, *ремизовский миф*; определить биографические, авторологические, историко-литературные контуры последнего; выявить, установить место архетипов и мотивов в этом мифе; наконец, вписать миф в понятийное пространство ярославского текста.

Наиболее значимыми результатами работы стали следующие. Описаны историко-литературные и личностно-биографические составляющие ремизовского мифа; установлена роль фольклорных, литературных мотивов, архетипов в системе мотивов и образов прозы Ремизова; последние показаны в контексте его творческой эволюции. Авторский миф Ремизова вписан в историко-литературное пространство ярославского текста. Сделаны наблюдения в области изучения философии, эстетики и поэтики прозы, выразительности сочинений Ремизова. Дневники, документалистика учтены как полноценное звено в наследии писателя, преодолено отношение к ним как к второстепенному, вспомогательному материалу. Используемые подходы к материалу обусловили оригинальный взгляд на проблему писательского мастерства и позволили раздвинуть сложившееся представление о типе художественного мышления Ремизова. В работе даны новые оценки художественности ряда известных произведений, уточнена авторская позиция, показана её связь с мифологией и фольклором, функциями компонентов внешней и внутренней формы. Мастерство Ремизова осмыслено в контексте актуальных для русской прозы XX века неомифологизма и словотворчества; тем самым дополнены научные представления о сложных явлениях в русской литературе первой трети XX столетия.

Работа адресована филологам, литературоведам, исследователям русской литературы, культуры XX века.

Ключевые слова: русский неореализм, Ярославский текст, биография и творчество А. М. Ремизова, Ремизов и его ярославское окружение (И. Каляев, Б. Савинков).

N. N. Ivanov

Remizov's myth in the structure of Yaroslavl text

The purpose of the article is to consider an important scientific historical and literary issue: the place of A. M. Remizov, an outstanding representative of Russian neorealism, in the structure of the so-called Yaroslavl text. For the first time Remizov's auteur myth is inscribed into the structure of a local text, to which type the Yaroslavl text belongs. This literary phenomenon is presented in the context of studying the author's individuality along the lines common to Russian prose: the enrichment of content, the search for new narrative and artistic forms. The following objectives of the work were also dealt with in the context of contemporary studies of the first half of the XX century Russian literature: to clarify the definitions of the Yaroslavl text and the Remizov myth; to determine the biographical, narrative, historical and literary contours of the latter; to identify and establish the place of archetypes and motives in this myth; and, finally, to incorporate myth into the conceptual space of the Yaroslavl text.

The most significant results of the work are the following: the historical-literary and personal-biographical components of the Remizov myth are described; the role of folklore, literary motives and archetypes in the system of motives and images of Remizov's prose is established; the latter are shown in the context of his creative evolution. Remizov's auteur myth is integrated into the historical and literary space of the Yaroslavl text. Some observations are made on the philosophy, aesthetics, and poetics of Remizov's prose and the expressiveness of his writings. Diaries and documents are taken into account as a full-fledged link in the writer's legacy; the attitude to them as secondary, auxiliary material has been overcome. The approaches used in the work led to an original view of the writer's skills and allowed

to break the existing opinions about Remizov's type of artistic thinking. The article evaluates the artistic merits of some of the well-known works in a new way, clarifies the writer's position, shows its connection with mythology and folklore, with the functions of the components of external and internal forms. Remizov's skill is analyzed in the context of neomythologism and word-making relevant to the Russian prose of the XX century. Thus, scientific understanding of the complex phenomena in Russian literature of the first third of the XX century have been enriched.

The work is addressed to philologists, literary critics, researchers of Russian literature and culture of the XX century.

Key words: Russian neorealism, Yaroslavl text, biography and creativity of A. M. Remizov, Remizov and his Yaroslavl entourage (I. Kalyaev, B. Savinkov).

Введение

Постановка вопроса. Современные научные подходы к историко-литературному материалу позволяют интерпретировать творческие поиски отдельных персоналий в парадигме авторского мифа. Это и творческая индивидуальность, и личностные характеристики, и проекции биографии в творчество, и, наконец, работа самого автора по формированию своего образа в искусстве. И в означенном контексте изучение мифа, слова-мифа как сущности, конкретности бытия, как в слове данной личностной истории [Лосев, 1994], мифа в его кумулятивной, этиологической функциях могло бы оказаться очень продуктивным. А. М. Ремизов среди других выдающихся представителей русского неореализма в означенном направлении научного исследования мог бы оказаться одним из первых. Ремизов бывал в Ярославле. Ремизов публиковался в Ярославле, когда только начинал первые свои литературные шаги, тем важнее показать их значение и для творческой индивидуальности Ремизова, и для Ярославля, ярославского текста. Эти две дефиниции – ремизовский миф, ярославский текст – нуждаются в филологическом и общекультурном уточнении; в не меньшем прояснении нуждается и взаимодействие их, которое было, которое не конкретизировано.

Актуальность. Отправляясь от понимания текста М. М. Бахтиным, от семиотики культуры, можно констатировать усложнение когнитивной стороны проблемы изучения текста. Современное исследование феномена текста предполагает лингвистический, литературоведческий и культурологический подходы. Изучение персонального (ремизовского) мифа в структуре локального текста русской литературы, каким видится ярославский, раскрывает его семантическое разнообразие. Дополнение научных представлений о ярославском тексте, о А. М. Ремизове в целом через уточнение дефиниций *ярославский текст*, *ремизовский миф*, установление места последнего в структуре ярославского текста обусловило актуальность данной работы.

Характеризуя **научную литературу**, укажем, что вторая часть темы, ярославский текст, определённо прояснена [Ярославский текст, 2014; 2016; 2018; 2020], первая же часть, ремизовский миф, применительно к ярославскому тексту, не поднималась, её вообще нет в *этих* исследованиях. Из обилия написанного о Ремизове применительно к нашей теме можно указать единичные работы [Иванов, 2016]. Мемуарного характера источники [Савинков, 1917; Тыркова-Вильямс, 1955], эпизодические упоминания в контексте его причастности к газете «Северный край», нечастые попытки представить в системе русского неореализма [Иванов, 2012; Иванов, 2018; Иванов, 2015; Иванов, Пупкова, 2016].

Цель работы – уточнить место ремизовского мифа в структуре ярославского текста. Задачи: определить когнитивные составляющие дефиниций *ярославский текст*, *ремизовский миф*; дать характеристику биографической, авторологической, историко-литературной ветвей ремизовского мифа, выявить его архетипы и мотивы; показать функции этого мифа в системе знаково-символических структур ярославского текста. Провести анализ структуры *ремизовского мифа*, конкретизировать его специфику с позиций фольклора, мифопоэтики, истории русской литературы первых десятилетий XX века и вписать его в понятийное пространство ярославского текста.

Основная часть статьи

Охват разного по методу, жанру, стилю материала обусловил достоверность полученных результатов.

Материалом исследования стали:

- Биография, творчество А. М. Ремизова в их разворотах к Ярославлю [Alexis Remizov, 1978; Lampl, 1978].
- Наследие А. М. Ремизова [Ремизов, 2000].
- Публикации в ярославских изданиях: Ремизов А. «Беспокойные тучи, куда вы?» // «Северный Край» (Ярославль). 1903, № 83, 30 марта.

– Ремизов А. «Кутья-Войсы» // «Северный Край» (Ярославль). 1903, № 42, 14 февраля.

– Ремизов А. «Над колыбелькою» // «Северный Край» (Ярославль). 1903, № 118, 6 мая. Ремизов А. Плач девушки перед замужеством // «Северный Край» (Ярославль). 1902, № 238, 10 сент.

– Воспоминания о А. Ремизове: Савинков Б. Воспоминания // Былое. 1917. Кн. 23.

– Тыркова-Вильямс А. Тени минувшего. Встречи с писателями // Возрождение (Париж). 1955, № 37.

Научные труды по теме :

– Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы международной научной конференции (Ярославль, 15–16 апреля 2014) / отв. ред.: О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2014. 524 с.

– Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы международной научной конференции (Ярославль, апрель 2016) / отв. ред.: О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. 384 с.

– Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы Третьей Всероссийской научной конференции (Ярославль, апрель 2018) / сост. и отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 372 с.

– Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы Четв. Всероссийской научной конференции (Ярославль, 5–6 ноября 2020) / сост., отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 312 с.

Методы исследования. Методология выдержана в духе взаимодействия лингвистического, литературоведческого и культурологического подходов к тексту, методологического синтеза, дискурсивных практик. Подход и результат связаны. В изучении ремизовского мифа опора делается биографическом, историко-литературном, сравнительно-историческом методах. В изучении ярославского текста: на структурно-семантическом, семиотическом, метатекстуальном. Системный, исторический, типологический принципы исследования художественных явлений. Ситуация метатекстуального осмысления материала позволила двигаться от мифа к логосу, тексту.

Описание проведенного **анализа**.

Проясним дефиниции *ярославский текст*, *ремизовский миф*. Локальные тексты, а ярославский здесь понимается именно так, могут быть концептуализированы как область практик пись-

ма, семиозиса, расширения художественного пространства слова. Понятие *текст* следует трактовать как открытое, и эта открытость не совсем определена. М. Бахтин видел в тексте связанные знаковые комплексы. Ю. Лотман среди характеристик текста выделял выразительность, ограниченность, структурность, а функции сводил к передаче информации и порождению нового смысла. Заметим, в последних теряется то, что делает искусство таковым – его художественность. В локальных текстах доминирует слово, но оценивается оно с позиций пространства, и этот лингвистический оксюморон в научном плане важен, потому что позволяет обобщать, систематизировать локальные тексты как знаково-символические структуры. Пространственно-временная основа может стать одной из концепций литературы.

Локальный текст допустимо представить как многообразную, воспроизводящуюся, исторически и функционально изменчивую макроединицу филологии, а его генезис осмыслить на историко-литературном материале. Понятие *локальный текст* может быть раскрыто и как область взаимодействия полюсов в составе матрицы, продуцирующая новые смыслы: сверттекст (сохраняет историчность и центричность) и гипертекст (активация множественности). Единство локального текста – это его способность быть хранилищем опыта литературной рефлексии и саморефлексии.

Выявим и обоснуем в ремизовском мифе те ветви, которые для ярославского текста стали текстообразующими, формирующими его семиотическое пространство. Одна ветвь – биографические сведения и наша интерпретация их, своего рода текст и внетекстовые факторы актуализации его содержания.

Алексей Михайлович Ремизов умер 26 ноября 1957 года в Париже, в эмиграции, но личностью он был не всемирной, но исключительно русской и не столичной петербургской, но московской, старомосковской. Ремизов родился в Москве в патриархальной купеческой семье 24 июня (6 июля н. с.) 1877 года, учился в 4-ой московской гимназии, Московском Александровском коммерческом училище, в Московском университете: лекции на историко-филологическом, юридическом факультетах при сохранении в качестве приоритетного естественного отделения физико-математического факультета. Впервые Ремизов оказался в Ярославле по пути на Север, в ссылку (Вологда, Усть-Сысольск): был арестован *по ошибке* за участие в демонстрации студентов и

на шесть лет выслан из Москвы, а поезда до Вологды идут через Ярославль. Такая вынужденная мотивация накладывала отпечаток на восприятие того, что видел путешественник из окна поезда. Что происходило в душе, какие импульсы рождались в сознании, мы не знаем, но догадываемся. Вероятно, мотивы странничества, изгнания, несправедливости окружающего мира были основными. И ещё: он ехал на Север, в легендарный край, погружался в мир русской провинции.

У ярославского текста есть такая неизученная ветвь: Ремизов и его окружение 1902/3 годов, прежде всего – это Савинков и Каляев [Иванов, 2015]. Ремизов родился в тот же день, в тот же год, что и Иван Каляев. Переключки судеб – мистические: рождение, студенческое вольнодумство, опыт ссылки, сочинительство. Познакомились они в Вологде, куда Каляев приехал навестить своего ссыльного друга – Савинкова. Последний, писатель Виктор Ропшин, он же – Борис Викторович Савинков, профессиональный революционер, шпион, террорист, бывал в Ярославле не раз. Сближение столь разновеликих личностей и писателей в парадигме текста позволяет увидеть формирование текста изнутри: Ярославские встречи перерастают в ярославский текст. Каляев был выслан в Ярославль после 2-ух месяцев тюрьмы в Варшаве. Ориентировочно с октября 1902 года он работал (служил) корректором в газете «Северный Край» и сыграл заметную роль в публикациях Ремизовым своих произведений в этой газете. Свою первую вещь – «Плач девушки перед замужеством» – Ремизов опубликовал в 1902 году на страницах газеты «Курьер» под псевдонимом Николай Молдаванов. Однако есть данные, что «Плач» дебютировал в «Северном крае» [Ремизов, 1902] и лишь затем в газете «Курьер». Во всяком случае, Х. Лампл указал её как первую публикацию Ремизова в ярославской газете и перечислил ещё пять [Lampf, 1978]. Персональный круг ярославского текста может быть дополнен именами других вологодских ссыльных – Савинков, Н. А. Бердяев, П. Е. Щеголев, А. В. Луначарский. Все они печатались в «Северном крае» не без влияния Каляева.

Публикации Ремизова в «Северном крае» поддержала и журналистка, писательница, общественная деятельница, член ЦК партии кадетов Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962). О своём участии в публикациях Ремизова она вспоминала: «В Ярославле, где я была членом редакции местной газеты «Северный Край»,

я в первый раз услышала его имя, увидела не его самого, только его причудливый почерк. Он прислал нам в редакцию свои белые стихи <...> Стихи неизвестного поэта я брала под свою защиту, чаще всего безуспешно» [Тыркова-Вильямс, 1955, с. 91]. Это были 1902–1903 годы. Там же впервые было напечатано стихотворение Ремизова «Наташе». Под названием «Над колыбелькою» оно появилось в «Северном крае» от 6 мая 1903 года [Ремизов, «Над колыбелькою», 1903]. Наташа – Елена Сергеевна Ремизова (1902–1976) – племянница Ремизова. При последующей публикации в составе цикла «Посолонь» этот текст автор переадресовал своей дочери Наташе (1904–1943). В «Северном крае» впервые опубликовано и стихотворение Ремизова «Беспокойные тучи, куда вы?» [Ремизов, «Беспокойные тучи, куда вы?», 1903]. Оно служит лирической вставкой в рассказе «Придворный ювелир», но сам рассказ в «Северном крае» не публиковался. Впервые в «Северном крае» опубликовано известное стихотворение Ремизова «Кутья-Войсы» [Ремизов, «Кутья-Войсы», 1903] с авторским примечанием: «Языческо-христианское верование зырян: под Рождество пробуждаются от проклятия «Кутьи войсы» – демонические существа и властвуют над землей до Крещения».

Когда Каляева казнили, Ремизов в том же 1905 году посетил место его казни и захоронения в Шлиссельбургской крепости. Ремизов посвятил Каляеву нерифмованное стихотворение «Иван Купал» и «Трагедию об Иуде», а Савинков, организатор убийства великого князя Сергея Александровича, увековечил фигуру друга в повести «Конь Бледный». Откликнулись также Л. Андреев, М. Пришвин, А. Куприн, А. Блок, З. Н. Гиппиус, М. Горький.

Другая ветвь ремизовского мифа литературная; хотя ветви биографическая и художественная у Ремизова переплетаются тонко и причудливо. Ремизов развивал в творчестве мотивы несправедливого мира, мытарства, неприютности, духовного очищения. Но эти самые мотивы начали воплощаться в его жизни задолго до литературы. Ярославль – как биографический, так и творческий мотив в судьбе Ремизова, чей художественный дар был многогранным, а личность развивалась в разные стороны. Творческое сознание Ремизова, осмысление и переосмысление своей биографии было в каком-то смысле мифологизировано им самим. Художник М. Добужинский считал его дарование игровым. Критики обвиняли Ремизова в нарочитом пристра-

стии к архаике (Г. Адамович), в имитации русской допетровской старины; И. Ильин оценил его как юродивого «в пределах культуры», А. Блок – наследника Достоевского, «великого жалостника». «Живой сокровищницей русской души и речи» назвала творчество Ремизова Марина Цветаева [Иванов, 2018]. А. Ремизов был одним из творцов нового художественного мышления, а искусство Серебряного века обогатил своей версией «царства небесно-земного, духовно-плотского» [Иванов, 2012]. Ремизов – оригинальный стилист, мастер сказа, один из основоположников т. н. орнаментальной прозы. Творя *по материалу*, он умел обыграть *чужое* слово: фольклор, апокрифы, демонология, заклинания, сны.

Ремизов сильно влиял на Пришвина, Леонова, Шишкова и других русских писателей. Это его, своего учителя рекомендациям следуя, М. Пришвин погружался в такие глубокие народные слои, «куда редко заглядывал глаз образованного человека». Показательно, что и первая статья о Пришвине, принадлежавшая Р. В. Иванову-Разумнику, называлась «Великий Пан» [Иванов, 2012]. В Ремизовым же навеянных неомифологизме и сказкотворчестве «просто поэт в душе» Пришвин мог отправиться на Север и раствориться в образе бродяги, примкнуть к народному мудрецу. Пантеизм Ремизова был одним из тех субъективных пантеизмов «по-своему», которые сформировали неопантеизм в русской литературе. Подспудно Ремизов влиял на сам тип творческой личности, поведения многих писателей, искавших разные способы сохранения и реализации своего духовного мира. Здесь можно указать и на мотивы странствий, бродячества, и на внимание к архетипичным народным мудрецам, и, в целом, на погружение в стихию народной жизни. Поездки, мотив движения, вполне вписываются в общую традицию интеллигентских «духовных» путешествий и интереса к расколу.

Столь разные по тематике, тональности стихотворения, опубликованные в Ярославле, созвучны автобиографической прозе Ремизова. Лирический герой стихотворений и автобиографический повествователь совпадают зеркально. И там, и здесь развивается метаповествование о трагической судьбе, слышны называвшиеся уже мотивы мытарства, бесприютности, несправедного мира.

В 1902 г. Департамент полиции разрешил Ремизову съездить в Москву. Вот что он написал об этом в автобиографической книге «Иверень»:

«Неделя до Введения конец осени. Всю дорогу, от Вологды до Ярославля и от Ярославля до Москвы, не отрываясь, у окна. Поля и лес. Пушкин и Некрасов стихами выговаривают дорогу, через их слова и вижу: „роняет лес багряный свой убор” и, взглядевшись, повторяю: „поздняя осень, грачи улетели”. Какая горькая разлука, но под сердцем я весь охвачен, перелетной птицей бьется надежда: это был мой первый литературный въезд в Москву» [Ремизов, 2000, т. 8, с. 460]. Многоговорящая запись. В Ярославле была остановка. Каляев пока ещё находился здесь, допускаем, что они встретились.

В книге «Иверень» Ремизов в своей причудливой манере вспоминал встречу с Савинковым: «И весь день Савинков смотрел устюжской тучей – вот хлынет каменный дождь и засыпет костел, собор, – Вологду, Ярославль, Нижний и Арзамас с Горьким» [Ремизов, 2000, т. 8, с. 453]. В тексте Ремизова Ярославль фигурирует исключительно по логике литературно-художественных ассоциаций и прогнозов. Обсуждая в 1902 году в Вологде с Савинковым тему чертовства, возможно, бесовщины, мог ли думать Ремизов о роли Савинкова в русской революции? Нейтральный по тону выражения, но издевательский по смыслу упрёк Горького в «чёртике неумном» Савинков воспринял болезненно. Родственным способом, боясь, комплексую, реагировал на насмешки Ставрогин и другие колоритные предтечи революционеров в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». Ставрогин – предводитель бесов, но мелкий бес, «чёртик неумный» – Передонов у Ф. Сологуба. И в подобном контексте, смешении литературы и жизни Савинков, претендовавший на роль чёрта умного, видится демоном, ждущим своего часа. Слова Ремизова о «каменном дожде» пророческие, их нужно лишь вычленивать. Савинков родился 19 (31) января 1879 года и был на полтора года моложе Каляева, но влиял на «паству» гипнотически. Результат его воспитания – решимость бросать бомбы-камни в кого угодно. В 1918 году Савинков и тучи его бесов свою роль в сотворении на Ярославль каменного дождя и выжигающего огня сыграли.

Описание полученных результатов

Подходы к материалу исследования и результат связаны, что позволило получить следующие научно значимые результаты. Конкретизация семантического поля дефиниций локальный текст, авторский миф позволила получить новое

знание, по-новому представить ярославский текст, с другой стороны, место Ремизова, ремизовского мифа в этом тексте. Достаточно полно выявлена специфика изучаемых художественных явлений, открыты широкие возможности для обновленного прочтения как отдельных произведений, так и для анализа тенденций литературы. Была предпринята попытка выявить художественную типологию этих явлений. Интерпретируются новые любопытные сведения биографического, историко-литературного характера. Локальный текст осмыслен на историко-литературном материале (миф); локальный текст представлен как многообразная, закреплённая в целях своего воспроизводства, исторически и функционально изменчивая макроединица, обладающая собственными закономерностями, что расширяет категорию «локальный текст литературы».

Заключение

Основные выводы исследования. Это перспективное научное направление: ни много, ни мало – предложена текстологическая концепция русской литературы. И тем еще, что на этом фоне дополнены и переосмыслены многие, как будто известные произведения. Избранная тема плодотворна и перспективна в плане осмысления литературного процесса начала XX века. понятие «локальный текст» раскрыто как область взаимодействия полюсов раскрыто единство локального текста как хранилища опыта литературной рефлексии и саморефлексии, матрицы, продуцирующей новые смыслы, творческой потенции в самореализации русской культуры; показано, как метатекст задает правила порождения текста, его грамматику и синтаксис; в качестве дальнейшего направления исследований обозначена проблема особого метатекстуального мышления, опирающегося на новую метатекстуальную прагматику и синтагматику культурной коммуникации. В качестве дальнейшего направления исследований обозначена проблема особого метатекстуального мышления, опирающегося на новую метатекстуальную прагматику и синтагматику культурной коммуникации.

В качестве **итогов** работы укажем на новое знание о ремизовском мифе, ярославском тексте и способах получения этого знания. Ремизовский миф характеризуется в контексте творческих поисков, систематизации, дополнения и уточнения биографических и литературных мотивов (что делается нечасто): фольклор, русская литература

XIX века, библейский, христианский миф. В этой проблематике через дискурсивную и мифопоэтическую методологию устанавливались параллели, переключки с литературой русского неореализма и современной Ремизову литературой.

Библиографический список

1. Савинков Б. Воспоминания // Былое. 1917. Кн. 23.
2. Иванов Н. Н. Ярославская тема в сочинениях А. М. Ремизова // Голоса русской провинции. Ярославль, 2016. Вып. 9. С. 92–97.
3. Иванов Н. Н. Пришвин – ученик А. Ремизова // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи. Сборник трудов Международной научной конференции. Москва : МГОУ, сентябрь, 2011. Часть 1. Серебряный век. Москва : ЮНИАКС, 2012. С. 138–145.
4. Иванов Н. Н. Ремизов А. М. // Литературный энциклопедический словарь Ярославского края / сост. О. Н. Скибинская. Ярославль : Академия 76, 2018. 680 с.
5. Иванов Н. Н., Макеева С. Г. Иван Каляев и Алексей Ремизов: Ярославские встречи // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. № 3. С. 114–119.
6. Иванов Н. Н., Пупкова Н. С. Ярославская тема в сочинениях А. М. Ремизова (научная статья) // Материалы XII международной научной конференции «Голоса русской провинции» в рамках XIII ежегодных Васильевских чтений (сент. 2015). Вып. 9. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. С. 92–97.
7. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. Москва : Мысль, 1994. 920 с.
8. Ремизов А. «Беспокойные тучи, куда вы?» // «Северный Край» (Ярославль). 1903, № 83, 30 марта. С. 2.
9. Ремизов А. М. Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981.
10. Ремизов А. М. «Кутья-Войсы» // «Северный Край» (Ярославль). 1903, № 42, 14 февраля. С. 2.
11. Ремизов А. М. «Над колыбелькою» // «Северный Край» (Ярославль). 1903, № 118, 6 мая. С. 2.
12. Ремизов А. М. Плач девушки перед замужеством // «Северный Край» (Ярославль). 1902, № 238, 10 сент.
13. Ремизов А. М. Собрание сочинений. В 10 т. / Институт русской литературы РАН. Москва : Русская книга, 2000.
14. Тыркова-Вильямс А. Тени минувшего. Встречи с писателями // Возрождение (Париж). 1955, № 37.
15. Ярославский текст в пространстве диалога культур : материалы международной научной конференции (Ярославль, 15–16 апреля 2014) / отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2014. 524 с.
16. Ярославский текст в пространстве диалога культур : материалы международной научной конференции (Ярославль, апрель 2016) / отв. ред. О. Н. Ски-

бинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. 384 с.

17. Ярославский текст в пространстве диалога культур : материалы Третьей Всероссийской научной конференции (Ярославль, апрель 2018) / сост. и отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 372 с.

18. Ярославский текст в пространстве диалога культур : материалы Четв. Всероссийской научной конференции (Ярославль, 5–6 ноября 2020) / сост., отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 312 с.

19. Alexis Remizov. Bibliographie. Paris, 1978.

20. Lampl H. Bibliographie // Wiener Slawistischer Almanach. 1978, Bd. 2. S. 310, 312, 313, 315, 318.

Reference list

1. Savinkov B. Vospominanija = Reminiscences // Вуло. 1917. Кн. 23.

2. Ivanov N. N. Jaroslavskaja tema v sochinenijah A. M. Remizova = Jaroslavl theme in A.M. Remizov's works // Golosa russkoj provincii. Jaroslavl', 2016. Vyp. 9. S. 92–97.

3. Ivanov N. N. Prishvin – učenik A. Remizova = Prishvin – a disciple of A. Remizov // Slovesnoe iskusstvo Serebrjanogo veka i Russkogo zarubezh'ja v kontekste jepohi. Sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva : MGOU, sentjabr', 2011. Chast' 1. Serebrjanyj vek. Moskva : JuNIAKS, 2012. S. 138–145.

4. Ivanov N. N. Remizov A. M. = Remizov A. M. // Literaturnyj jenciklopedičeskij slovar' Jaroslavskogo kraja / sost. O. N. Skibinskaja. Jaroslavl' : Akademija 76, 2018. 680 s.

5. Ivanov N. N., Makeeva S. G. Ivan Kaljaev i Aleksej Remizov: Jaroslavskie vstrechi = Ivan Kalyaev and Alexei Remizov: Jaroslavl meetings // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. № 3. S. 114–119.

6. Ivanov N. N., Pupkova N. S. Jaroslavskaja tema v sochinenijah A. M. Remizova (nauchnaja stat'ja) = Jaroslavl theme in A.M. Remizov's works (scientific article) // Materialy XII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Golosa russkoj provincii» v ramkah XIII ezhegodnyh Vasil'evskih čtenij (sent. 2015). Vyp. 9. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2016. S. 92–97.

7. Losev A. F. Mif. Chislo. Sushhnost' = Myth. Number. Essence. Moskva : Mysl', 1994. 920 s.

8. Remizov A. «Bespokojnye tuchi, kuda vy?» = «Restless clouds, where are you going?» // «Severnyj Kraj» (Jaroslavl'). 1903, № 83, 30 marta. S. 2.

9. Remizov A. M. Vstrechi. Peterburgskij buerak = Meetings. St. Petersburg gulch. Parizh, 1981.

10. Remizov A. M. «Kut'ja-Vojsy» = «Kutya-Voysy» // «Severnyj Kraj» (Jaroslavl'). 1903, № 42, 14 fevral'ja. S. 2.

11. Remizov A. M. «Nad kolybel'koju» = «Over the cradle» // «Severnyj Kraj» (Jaroslavl'). 1903, № 118, 6 maja. S. 2.

12. Remizov A. M. Plach devushki pered zamuzhestvom = A girl crying before marriage // «Severnyj Kraj» (Jaroslavl'). 1902, № 238, 10 sent.

13. Remizov A. M. Sobranie sochinenij. V 10 t. = Collected works. In 10 vols. / Institut russkoj literatury RAN. Moskva : Russkaja kniga, 2000.

14. Tyrkova-Vil'jams A. Teni minuvshego. Vstrechi s pisateljami = Shadows of the past. Meetings with writers // Vozrozhdenie (Parizh). 1955, № 37.

15. Jaroslavskij tekst v prostranstve dialoga kul'tur = Jaroslavl text in the dialogue of cultures : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Jaroslavl', 15–16 aprilja 2014) / отв. red. O. N. Skibinskaja, T. K. Hovrina. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2014. 524 s.

16. Jaroslavskij tekst v prostranstve dialoga kul'tur = Jaroslavl text in the dialogue of cultures : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Jaroslavl', april' 2016) / отв. red. O. N. Skibinskaja, T. K. Hovrina. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2016. 384 s.

17. Jaroslavskij tekst v prostranstve dialoga kul'tur = Jaroslavl text in the dialogue of cultures : materialy Tret'ej Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Jaroslavl', april' 2018) / sost. i отв. red. O. N. Skibinskaja, T. K. Hovrina. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. 372 s.

18. Jaroslavskij tekst v prostranstve dialoga kul'tur = Jaroslavl text in the dialogue of cultures : materialy Četv. Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Jaroslavl', 5–6 nojabrja 2020) / sost., отв. red. O. N. Skibinskaja, T. K. Hovrina. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 312 s.

19. Alexis Remizov. Bibliographie. Paris, 1978.

20. Lampl N. Bibliographie // Wiener Slawistischer Almanach. 1978, Bd. 2. S. 310, 312, 313, 315, 318.